

Соловьев Ю. И. Химики о себе.**М.: «ВЛАДМО», УМИЦ «ГРАФ-ПРЕСС», 2001. - 352 с.**

В прошлом году российская научная общественность и в первую очередь химики и историки науки получили в подарок уникальное энциклопедическое издание одного из ведущих в мире историков химии Ю. И. Соловьева — «Химики о себе». Соловьев является составителем, автором предисловия и примечаний к архивным материалам о жизни и деятельности 111 выдающихся химиков советского периода. Это издание содержит автобиографии ученых и представления на них коллег, обычно написанные по случаю выдвижения в АН СССР или в качестве действительных членов, или членов-корреспондентов. К тому же в книге присутствуют многочисленные ссылки историко-научного характера и фотографии из личных дел ученых. Это издание «рисует довольно полную картину многоликой жизни отечественной химии 1920-1980-х годов» (с. 3).

Архивные материалы из отечественной истории химии высвечивают и более глобальные процессы, происходившие в науке, образовании и промышленности в советский период времени. Представленные в книге химики, по существу, являлись «генералитетом» науки. Они не только состоялись как ученые, получили признание коллег, но и многие из них были отмечены властью. Этим ученым, как правило, — что было особенностью советской науки — приходилось брать на себя и всевозможные управленческие функции. Они становились организаторами науки и производства, инженерами, педагогами и общественными деятелями,

в том значении этого слова, которое имело место при социализме.

Во многом из-за того, что ученые выполняли несвойственные им функции, навязанные им общественным строем, взаимоотношения с властью у них не всегда складывались лучшим образом. Здесь и репрессии ученых, вплоть до высшей меры наказания (Н. Ф. Юшкевич), вынужденная эмиграция из страны (В. Н. Ипатьев), неизбрание в Академию наук или в действительные члены АН СССР (Н. Н. Ворожцов).

Известно, какой негативный резонанс научной общественности России, да и мировой тоже, вызвало не избрание Д. И. Менделеева в действительные члены Санкт-Петербургской академии наук. Но кто знает, почему химик с мировой известностью А. В. Раковский (1879-1941) не был удостоен чести стать действительным членом Академии наук? Ведь в 1938 г. на него написали представление академики Н. Д. Зелинский, Н. С. Курнаков, А. Е. Фаворский, В. Е. Тищенко — самые авторитетные химики страны. Они указывали, что «работы Раковского квалифицируют его как выдающегося ученого в мировом значении этого слова, несомненно достойного быть избранным в действительные члены Академии наук СССР» (с. 215).

Еще как-то можно объяснить неудачу С. Н. Ушакова (1893-1964) при выдвижении его в академики в 1958 г. противостоянием ученых влиянию «производственников» в Академии. Кандидатуру Ушакова выдвинули институты и промыш-

ленные предприятия. В качестве основного аргумента в пользу избрания было выдвинуто то, что «в период с 1924–1940 гг. под руководством С. Н. были разработаны все основные технологические процессы, определившие лицо советской промышленности пластиков» (с. 281).

Проблема интеграции академической науки и высшей школы, которая чрезвычайно актуальна сегодня, решалась учеными по-разному. Некоторым это удавалось блестяще. Таким примером может служить деятельность химика-аналитика, пионера в нашей стране в области микро- и ультрамикрoанализа И. П. Алимарина (1903–1989). Алимарин с 1953 г. совмещал научно-преподавательскую деятельность в МГУ с научной — в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского. В своей автобиографии в 1966 г. он написал: «Главной задачей всей научной деятельности я считал воспитание молодых ученых» (с. 7). Согласитесь, для академика такое признание — исключительная редкость.

Ряду химиков удавалось сочетать научную и педагогическую деятельность с работой в промышленности. Таким примером может служить биография специалиста в области физической химии А. И. Бродского (1895–1969). В 1930-е гг. Бродский был профессором Днепропетровского химико-технологического института, ответственным редактором «Известий Института физической химии им. Л. В. Писаржевского АН УССР» и одновременно работал над технологией получения изотопов. Он писал в 1938 г. в своей автобиографии: «В 1934 г. под моим руководством была впервые получена в СССР тяжелая вода и была построена опытная установка для ее изготовления» (с. 43).

Отношение ученых к своим изобретениям, имеющим практическую значимость, в СССР было в большинстве случаев альтруистическим. Мало кто из химиков пытался получить материальную выгоду из своих авторских свидетельств на изобретения и патенты. Многие химики отдавали их безвозмездно государству. Так, П. П. Будников (1885–1968), крупный специалист в области химии силикатов, в начале Великой Отечественной войны все свои изобретения передал в Фонд индустриализации СССР (с. 46).

Если же автор брал свидетельства и патенты, то даже в случае практической реализации получал символическое вознаграждение за их использование. Правда, существовала индивидуальная государственная поддержка ученых, сделавших изобретения в виде всевозможных премий. Эта традиция государственного поощрения имела свои истоки в дореволюционной России.

Так, биография крупного специалиста в области химии красителей А. Е. Порай-Кошица (1877–1949) может служить примером успешной в материальном смысле работы ученого. Еще в 1912 г. он был премирован Обществом содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за работу по спектрометрии окрашенных волокон. При советской власти Порай-Кошиц также не раз был премирован: в 1930 г. Комитетом по химизации народного хозяйства СССР премией им. Ф. Э. Дзержинского за научную работу по теории крашения; в 1932 г. — за учебную работу; в 1933–1934 гг. — по конкурсу на лучшую лекцию по специальному курсу и большой премией в 3 000 руб. — за постановку работы кафедры красящих веществ в Ленинградском технологическом институте. За успешную работу кафедры тогда же его премировали от Наркомата тяжелой промышленности легковым автомобилем (с. 207).

Пожалуй, самое большое одноразовое вознаграждение в СССР среди химиков получил С. В. Лебедев (1874–1934) за изобретение синтетического каучука. ВСНХ СССР за работы по синтезу каучука из спирта выделил ему премию в размере 25 000 руб. Трагическая гибель Лебедева в поезде от сыпного тифа дала повод академику П. Л. Капице в письме к И. В. Сталину 14 марта 1945 г. высказаться довольно резко и нелицеприятно для вождя об отношениях власти и ученых: «Вот прошло 27 лет после революции, мы много построили, много освоили. А как мало своего крупного мы внесли в технику! Лично я могу назвать только одно крупное наше достижение — это синтетический каучук. Это достижение действительно мирового масштаба, тут мы были вначале впереди, но, к сожалению, сегодня нас уже обошли и Америка, и Германия. Но как мало мы сами чувствовали и

чувствуем значение этого крупного достижения. Академик Лебедев, пионер и создатель, должен был бы быть национальным героем, а он после поездки в жестком вагоне схватил сыпной тиф и умер в 1934 г. Это позорнейший для нас случай. Нужно тут прямо сказать, что в капиталистической стране, если Лебедев погиб бы, то, вероятно, в своем салон-вагоне и при крушении своего поезда. Это не случайность, это показывает только то, что мы не чувствуем еще необходимости в людях, делающих новую технику» (с. 148).

Проблема взаимоотношения науки и промышленности в нашей стране, слабая инвестиционная политика государственных структур хорошо просматриваются даже в таком лапидарном жанре как автобиография. Лауреат Нобелевской премии по химии Н. Н. Семенов (1896-1986) перед самым началом войны писал: «Я считаю, что в настоящий момент применение нашей науки к технике лимитируется уже не столько нашим институтом (Институт химической физики АН СССР. — *Авт.*), сколько очень медленными темпами внедрения наших готовых результатов в промышленность, а также неумением поставить перед нами актуальные задачи со стороны соответствующих наркоматов» (с. 241).

Для историка науки автобиография Семенова — ценный источник для изучения школ в науке, где ученый поименно перечисляет своих сотрудников, вышедших из его лаборатории (с. 240). Поистине гимном другой научной школы — Н. С. Курнакова — могут быть слова его ученика академика Г. Г. Уразова (1884-1957), написанные в автобиографии в 1945 г.: «Вся моя разносторонняя по объектам изучения исследовательская деятельность объединяется и направляется еди-

ным научным методом, который создан моим учителем Н. С. Курнаковым, — физико-химическим анализом» (с. 274).

Интересно отметить, что в академическом сообществе среди химиков в разные годы были свои лидеры. В какой-то степени, даже если бы мы не знали ничего об истории профессионального сообщества химиков, то по количеству представлений в члены Академии наук бесспорными фаворитами можно назвать Н. Д. Зелинского (1861-1953) и Н. С. Курнакова (1860-1941). Первый написал 19 представлений, а второй 17. Органик и неорганик, они как бы делили сферы влияния химической науки в Академии. До 1930 г. влиятельными фигурами среди академических химиков были также В. Н. Ипатьев (1867-1952), эмигрировавший из страны, и Д. П. Коновалов (1856-1929), умерший в 1929 г., но написавшие к тому времени по 9 представлений. С 1950-х гг. лидерами в академическом сообществе стали Н. Н. Семенов и А. Н. Несмеянов.

Данная книга дает богатый материал для изучения отечественной истории химии, процесса становления и развития профессионального сообщества химиков в нашей стране. Это событие для историков науки по своему значению может быть сравнимо с выходом книги того же Ю. И. Соловьева в 1985 г. «История химии в России», где был рассмотрен период дореволюционного развития отечественной химии. Эта работа продолжила славные традиции отечественных историков химии, заложенные П. И. Вальденом в начале XX в. Теперь документально представлен советский период. Хотелось бы пожелать и автору, и читателям выхода его новой книги, где был бы исследован уже период новейшей российской истории химии.

А. Н. Родный